ВСЕРОССИЙСКИЙ КОНКУРС НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ И ТВОРЧЕСКИХ РАБОТ МОЛОДЁЖИ

«МЕНЯ ОЦЕНЯТ В XXI ВЕКЕ»

Направление: Литературоведение

Тема: Метатекст и средства его выражения в языке романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин»

Соискатель: Пономарева Вероника Витальевна

Научный руководитель: Кузнецова Юлия Игоревна

Место выполнения работы: Филиал Ставропольского государственного педагогического института в г. Железноводске

2026

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 3

ГЛАВА 1. ФУНКЦИИ МЕТАТЕКСТА В РОМАНЕ А.С. ПУШКИНА «ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН» 5
1.1. А.С. Пушкин как языковая личность автора художественного текста 5
1.2. Функции метатекста в создании образа Евгения Онегина 14
1.3. Компоненты смысловой структуры метатекста и специфика их использования в создании образа Татьяны 19
1.4. Типология метатекста в романе А.С. Пушкина «Евгений Онегин» 23

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 26

СИСОК ЛИТЕРАТУРЫ 27

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования определяется её перспективностью в решении целого комплекса теоретических задач в области языкознания и литературоведения, теории лингвистики текста, семантического синтаксиса, лексикологии и семантики. Метатекст как относительно новое понятие для современной филологической науки позволяет объяснить, пожалуй, главное в тексте (особенно – художественном), а именно: тайну природы подтекста – скрытых авторских смыслов и индивидуально ощущаемых имманентных нюансов, комментируемых автором.

Роль метатекста – обобщающая, интерпретирующая, эксплицирующая по-другому, помогающая с каких-то иных позиций увидеть и понять природу и сущность языка, языковых явлений, закономерных принципов построения текста. Именно поэтому необходимость его исследования обусловлена, во-первых, фрагментарностью изучения субъективного в языке, и метатекста в частности, во-вторых, «неопределенностью», размытостью границ языкового материала, на котором базируются лингвистические исследования метатекста, и в связи с этим множественностью интерпретаций понятия метатекст в современной лингвистике. Метатекст – это процесс соотношения основного текста произведения с собственной позицией говорящего, проецирующейся на произведение, которая порождает сигналы для читателя о начале, продолжении произведения, чувствах героев, коме того, с помощью метатекста вводятся примеры, подводятся итоги, то есть, проводится автокоррекция текста. Для осуществления успешной коммуникации автор старается, чтобы читатель правильно понял его произведения. В результате в метатексте проявляется языковая личность автора.

Таким образом, метатекст – это особое языковое подпространство текста, которое позволяет синтезировать коммуникативные интенции повествователя, направленные на выражение его отношения к тому, о чем он говорит и по поводу чего намерен высказать свое мнение, ничуть не навязывая его читателю. С одной стороны, изучение метатекста представляет когнитивный интерес с позиции выражения языковой личности автора, с другой стороны, метатекст интересен с позиции анализа языковой картины мира через метатекст художника слова [1].

Объект исследования: подпространство метатекстовых элементов в тексте романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин».

Предмет анализа: когниолингвистические, структурно-семиотические и лингвостилистические особенности употребления метатекстовых элементов в тексте названного романа.

Эмпирический материал исследования: контексты, включающие различные средства метатекста в данном художественном произведении.

Методологическая база исследования: общефилософские представления о языке как системе материального, объективного, динамического характера, постоянно функционирующий и развивающийся, соотношение языка и речи. Общенаучные методологические принципы: системность, динамизм, антропоцентристский подход к анализу объекта и предмета работы. Частная методология опирается, на принципы диалектики, концепции динамического развития языка, его динамической художественной картины мира [Чесноков 1989: 89].

Цель работы - выявить структурно-семантический и функционально-прагматический потенциал метатекстовых построений как средство выражения авторского оценочно-комментирующего начала в тексте романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин».

Задачи исследования:

1. Рассмотреть метатекст как когниолингвистическую категорию, проанализировать потенциальные возможности пространственной локализации метатекстового начала.

2. Определить специфику механизма формирования метатекстового элемента в художественном тексте как основание асимметрического дуализма и анизотропности различных типов метатекстовых наименований [1].

3. Охарактеризовать лингвостилистический потенциал метатекстового построения в художественном тексте, выявив основные функции как вариации индивидуализации авторского повествования.

Гипотеза работы: если автор через метатекст усиливает свою позицию в пространстве произведения, то усиливается метатекстовый компонент, ярче проявляется его языковая личность, отодвигающая на второй план собственно текстовый компонент, хотя они остаются по-прежнему тесно связанными и взаимообусловленными [Буров, Кулага 2012].

Новизна работы: работа основывается на инновационном подходе к соотношению текста художественного произведения и метатекста. Метатекст рассматривается как проявление языковой личности автора, определяющий структурные особенности построения теста произведения (А.А.Буров). В тексте романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин» метатекстовый элемент, выступает как регулятор восприятия читателем текста.

Теоретическая значимость работы заключается в постановке проблемы метатекстового употребления как фразовых номинаций. Выявлены и охарактеризованы конкретные речевые условия, в которых метатекстовый элемент репрезентируется в конкретных контекстах произведения А.С. Пушкина.

Практическая ценность работы обусловлена возможностью использования материалов исследования в вузовском и школьном преподавании современного русского литературного языка, риторики, стилистики, филологического анализа текста, сопоставительной типологии русского и иностранных языков.

ГЛАВА 1. ФУНКЦИИ МЕТАТЕКСТА В РОМАНЕ А.С. ПУШКИНА «ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН»

1.1. А.С. Пушкин как языковая личность автора художественного текста

Текст романа «Евгений Онегин» построен на очень интересном принципе: текст и метатекст здесь тесно связаны, неотделимы, неразрывны, они взаимно отражают друг друга, связаны намеками, отсылками, «то звучат в унисон, то бросают друг на друга иронический отсвет, то вступают в столкновение» [4].

Очень важно понять намеки, замечания автора, иногда довольно искусно скрытые, звучащие только отголоском, в одном слове. Текст романа наполнен цитатами, реминисценциями, намеками, довольно часто используется курсив, которые придают тексту романа глубину, смысловую емкость. Кроме того, они позволяют поэту создать иллюзию действительности, которая обуславливает одновременно и сознание того, что героиэто плоды творчества автора, и веру в то, что все происходящее реально. Для того, чтобы такое восприятие читателем условности и реальности стало возможным, Пушкину и понадобился метатекст. В результате возникает игра между условностью и реальностью: одни герои - создания творческого воображения, другие – условные маски реальных лиц.

Таки образом, метатекст позволяет А.С. Пушкину в одних местахпроизведения подчеркнуть, что судьба героев, их будущее полностью зависит от его прихоти, а в других - позволяет думать, что это знакомые люди.

Любой текст обращён к читателю, рассчитан на восприятие интерпретатора, а это значит, что семантика метатекстового средства включает прагматический компонент. Любой текст создается с целью установить обратную связь между адресатом и адресантом. Используя метатекст, А.С. Пушкин всегда учитывает, интеллектуальные возможности, кругозор, общий уровень осведомленности своего читателя, он «как бы „заворачивает“ передаваемое содержание эффективным образом, чтобы адресат мог легко его усвоить».

Следовательно, представляется правомерным определить метатекстовую область проявления языковой личности автора романа «Евгений Онегин» как сферу языковых средств, позволяющих поэту выразить свое отношение к тексту, вступив в своеобразный внутренний диалог с самим собой. Языковая личность Пушкина как субъект текстовой деятельности выражает некоторое отношение к тексту и его содержанию. При этом неизбежно происходит «расщепление» текста и проявление его метатекстового слоя, который является одним из важнейших структурных элементов романа.

Индивидуально-авторский метатекст формируется в результате использования автором для выражения определенного отношения к употребляемым языковым единицам и/или их содержанию таких метатекстовых единиц, которые, будучи самыми обычными единицами естественного языка, содержат в своей смысловой структуре не только собственно языковое значение, но и то дополнительное смысловое содержание, которое помогает выразить точку зрения автора (говорящего).

Создавая свой бессмертный роман в стихах, А.С. Пушкин использует языковые единицы, позволяющие читателю лучше и глубже воспринять авторский замысел текста. К их числу относятся и единицы метатекста, содержащие дополнительное толкование отдельных слов, тех или иных текстовых фрагментов или текста в целом. Единицы метатекста репрезентируются разноуровневыми языковыми единицами (прежде всего, лексического и синтаксического уровней), следовательно, обладают заложенным в них смыслом.

Таким образом, метаединицы обладают смысловой структурой, а так как их совокупность образует метатекст в тексте, можно говорить о смысловой структуре метатекста. Первый, и второй существуют как структура и как смысл (форма и содержание): смысловая структура метатекста формируется в результате комбинаторного взаимодействия смысловых установок «материнского» текста, а также языковой, коммуникативно-прагматической и речевой семантики единиц, составляющих текст и метатекст. Смысловая структура метатекста представляет собой многоуровневую организацию содержания метатекстовых единиц, компонентами которой являются смыслы, формируемые языковым значением составляющих метатекст единиц, ситуацией их употребления, а также их коннотативным и коммуникативно-прагматическим потенциалом.

Попробуем определить роль единиц метатекста в смысловой структуре произведения А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Известно, что «создавая некую модель мира, писатель всегда соотносит эту модель с миром современной ему социальной действительности…». В результате этого соотнесения рождается текст, но, несмотря на бесспорную уникальность каждого автора, можно отметить некие общие структурные элементы, такие, которые, являясь элементами системы языка, в то же время помогают каждому автору сказать что-то свое, передать с их помощью собственные смыслы.

Такими элементами являются метатекстовые единицы и метамаркеры. Последние представляют собой знаки, которые не репрезентируют метатекст, а лишь намекают на него, при этом именно они помогают создать смысловую структуру имплицитного метатекста. Проанализированные нами тексты А.С. Пушкина полностью подтверждают данную мысль. Публикацию первой главы в 1825 г. «Евгения Онегина» А.С. Пушкин предварил предисловием:

«Вот начало большого стихотворения, которое, вероятно, не будет окончено. Несколько песен или глав Евгения Онегина уже готовы. Писанные под влиянием благоприятных обстоятельств, они носят на себе отпечаток веселости, ознаменовавшей первые произведения автора Руслана и Людмилы.

Первая глава представляет нечто целое. Она в себе заключает описание светской жизни петербургского молодого человека в конце 1819 года и напоминает Беппо, шуточное произведение мрачного Байрона» [9].

Дальновидные критики заметят, конечно, недостаток плана. «Всякой волен судить о плане целого романа, прочитав первую главу оного. Станут осуждать и антипоэтический характер главного лица, сбивающегося на Кавказского Пленника, также некоторые строфы, писанные в утомительном роде новейших элегий, в коих чувство уныния поглотило все прочие. Но да будет нам позволено обратить внимание читателей на достоинства, редкие в сатирическом писателе: отсутствие оскорбительной личности и наблюдение строгой благопристойности в шуточном описании нравов» [9].

Предисловие к роману носит характер мистификации и пронизано глубочайшей, но скрытой иронией. Пушкин с достаточной долей иронии предупреждает читателя о том, что хорошо знаком с героем, он его друг, поэтому, зная все его недостатки, он хочет познакомить своих друзей. Автор ценит и читателя и Онегина одинаково, и ему бы очень хотелось, чтобы они близко подружились.

Внимание дружбы возлюбя,

Хотел бы я тебе представить…

А.С. Пушкин постоянно прибегает к использованию одной из функций метатекста – диалогизации, которая нужна ему для оптимальной реализации коммуникативной задачи: помочь адресату текста максимально полно и глубоко понять содержание, в определенном смысле А.С. Пушкин стремиться «создать» своего читателя-собеседника.

Метакомпоненты по своей природе могут быть представлены обращениями как средствами выражения субъективной модальности в тексте, т. е. отношения автора высказывания к предмету речи.

Рассмотрим, например, следующий фрагмент:

Друзья Людмилы и Руслана!..
Без предисловий, сей же час
Позвольте познакомить вас:

Друзья Людмилы и Руслана! — Такое обращение к читателям романа выбрано автором не случайно. В сознании современников в начале 1820-х гг. образ пушкинского творчества двоился: для большинства читателей и критиков Пушкин был в первую очередь поэт-романтик, автор элегий и «южных поэм». В этих кругах отношение к «Руслану и Людмиле» было сдержанным. Так, Погодин, противопоставляя «Кавказского пленника» началу творчества Пушкина, все же находил в последнем несколько стихов, которые «напоминают соблазнительности, коими наполнена первая поэма Пушкина» («Вестник Европы», 1823, № 1). Как «непристойную» оценили поэму Н. М. Карамзин и И.И. Дмитриев. Напротив того, в кругах архаистов первую поэму Пушкина ценили выше, чем последующие. Лотман отметил, что у Пушкина «три поэмы, особенно первая, подают великие надежды» [4].

Пушкин в предисловии к первой главе [4] демонстративно упомянул рядом оба произведения, связав «характер главного лица» с Пленником, а тон повествования с «Русланом и Людмилой». Аналогичная тенденция к синтезу продемонстрирована в начале «Евгения Онегина» — система эпиграфов связывает его с «Русланом и Людмилой». В данном случае метатекстовые элементы служат в тексте своеобразным средством связи: связывают фрагменты, которые в тексте достаточно удалены друг от друга. Пушкин использует ретроципацию – возвращение к уже написанному.

Без предисловий, сей же час… — поэт иронично напоминает читателю свой отказ от «предисловий», который имеет демонстративный характер: «Хоть поздно, а вступленье есть» (VII, LV, 14).

Кроме того, здесь использована антиципация – предвосхищение дальнейшего содержания, отсылка к дальнейшему изложению.

Использование метавысказываний в тексте произведения очень часто помогает автору объяснить причину своих речевых поступков, т. е. в метавысказывании заложен смысл «совершаю этот речевой поступок, потому что …»: хорошо и давно знаю героя, мы гуляли по одним улицам, я тоскую по тому же городу…

Там некогда гулял и я:
Но вреден север для меня…

Последние годы, проведенные перед ссылкой Пушкиным в Петербурге (совпадающие со временем действия первой главы), были периодом его исключительно напряженных театральных интересов и проходили под впечатлением оживленной полемики о комедии на страницах русских журналов.

Волшебный край! там в стары годы
…….

Младые дни мои неслись.

Мои богини! что вы? где вы?

Имена, названные Пушкиным в этой строфе, также служат метамаркерами и вызывают у читателя ассоциации с борьбой между театральными «партиями», распределявшими аплодисменты и свистки в зале, и столкновениями литературных группировок. Метатекст здесь переплетается с основным текстом, который служит объектом комментирования. В результате Пушкин воссоздает историю русского театра, споры о его роли в жизни общества.

Здесь интересно, во-первых, то, что на первый план выдвинута комедия: Фонвизин назван раньше Княжнина, да и этот, последний, возможно, упомянут Пушкиным как автор «Несчастья от кареты». Пушкин, как и критики-романтики, не видел в трагедии XVIII в. национального начала и противопоставлял ей в этом отношении комедию. Примечательно, что поэт использует в качестве метамаркеров эпитеты, позволяющие читателю лучше понять происходящее.

И переимчивый Княжнин…

Пушкин относился к творчеству Княжнина холодно, хотя и интересовался им, как жертвой самовластия («Княжнин умер под розгами» — XI, 16) и автором «Вадима Новгородского». Эпитет «переимчивый» связан с упреками в заимствовании сюжетов из репертуара французского театра и намекает на сатирическое изображение Княжнина в комедиях Крылова.

Там Озеров невольны дани

Народных слез, рукоплесканий

С младой Семеновой делил…

В 1816 г. Пушкин оценивал Озерова положительно, а уже в 1819 г. он высказался об Озерове более сдержанно, объяснив его успех игрой Семеновой: «Она украсила несовершенные творения несчастного Озерова». Поэтому-то поэт, называя успех Озерова «…невольны дани народных слез, рукоплесканий» в «Евгении Онегине», использует оценочный эпитет. Упоминание Озерова и Семеновой придавало строфе антикатенинскую окраску. Следующие стихи высоко оценивали роль Катенина и Шаховского в истории русского театра, намекая на пристрастие Катенина к идее высокого трагического театра:

Там наш Катенин воскресил…

Корнеля гений величавый…

Там вывел колкий Шаховской…

Шаховской был объектом сатирических нападок со стороны арзамасцев, в том числе и молодого Пушкина. Шаховской, считая, что комедия должна быть злой, злободневной, выводящей на сцене карикатурные образы современников, был создателем ряда пьес, вызвавших театральные скандалы. Эпитет «колкий» Пушкин использует в значении «насмешливый» для точного определения литературной программы Шаховского, вошедшего в историю театра как автор «колких» комедий.

Метатекст у Пушкина часто имеет форму авторских отступлений.

Мои богини! что вы? где вы?

Активное посещение Пушкиным театра приходится на 1817–1820 гг.

Театр уж полон; ложи блещут;

Партер и кресла, все кипит;

В райке нетерпеливо плещут…

Спектакли в петербургских театрах начинались в 18 часов. Ложи посещались семейной публикой.

Партер — пространство за креслами; здесь смотрели спектакль стоя. Билеты в партер были относительно дешевы, и он посещался смешанной публикой, в том числе завзятыми театралами. Кресла - несколько рядов кресел устанавливалось в передней части зрительного зала, перед сценой. Кресла обычно абонировались вельможной публикой. Левую сторону кресел занимали либералы, разумеется, те, кто мог, как Онегин, позволить себе относительно дорогой билет «в кресла».

Раек — верхняя галерея — местопребывание демократического зрителя. Определения Пушкина резко разграничивают состав и поведение различных частей зала: ложи блещут орденами и звездами мундиров, бриллиантами дам; партер и кресла — в движении (театральный хороший тон предписывал входить в зал в последнюю минуту, а появление людей света требовало выполнения этикета: обмена приветствиями, ритуала поклонов и бесед). Демократическая публика хлопает, требуя начать спектакль.

Блистательна, полувоздушна…

Стоит Истомина…

Пушкин пережил увлечение Истоминой. Шумную известность Истоминой доставила трагическая дуэль из-за нее В.В. Шереметьева и А.П. Завадовского. Дуэль, в которую были вовлечены Каверин, Грибоедов и Якубович, взволновала Пушкина, и он неоднократно возвращался к ней в своем творчестве.

Таким образом, Пушкин создает художественный образ русского театра той поры с помощью метатекстового потенциала.

Из театра Евгений отправляется на бал, а вслед за ним автор:

Я был от балов без ума:
Увы, на разные забавы
Я много жизни погубил!
Люблю я бешеную младость,
Люблю их ножки; только вряд…

Автор дает оценку и тому, что он видит в действительности, и как он это видит, и кем (чем) в итоге он является (выступает): комментатором текста выступает сам автор. Речь идет о метатекстовой функции анафорических местоимений и артиклей: этот, там, так; то, что я видел; тот, о котором я говорил…

Пушкин использует смену целой гаммы разнообразных интонаций и тонкую игру стилями. В конце XXX строфы сочетание лексики элегической и уже ставшей штампом позы условного разочарования («грустный, охладелый») с рассуждением о «ножках» создает эффект иронии. Строфа XXXI переносит повествование в интимный, как бы биографический план и звучит лирически. Строфа XXXII нагнетает условно-литературные и уже в ту пору банальные образы («Дианы грудь, ланиты Флоры», «мой друг Эльвина»), резко обрывающиеся высоко романтическим стихом «У моря на граните скал», который, в свою очередь, служит переходом к XXXIII строфе — одной из наиболее патетических и напряженно-лирических строф романа.

Однако ножка Терпсихоры
Прелестней чем-то для меня.
Желаний своевольный рой.
Люблю ее, мой друг Эльвина,

Основной смысл строфы, видимо, не в обращении ее к какому-либо реальному прототипу, вероятно, собирательному, а в художественной необходимости контрастно противопоставить строфам, проникнутым литературно-условными образами, стихи, которые звучали бы как голос непосредственного чувства.

Далее следует лирическое отступление, в котором Пушкин рисует жизнь пробуждающегося города:

Уж барабаном пробужден…
На биржу тянется извозчик,
С кувшином охтинка спешит…
Под ней снег утренний скрипит
Уж отворял свой васисдас.

Васисдас (искаж. франц. — форточка, германизм во французском языке). Пушкин использует игру слов между значением слова «форточка» и русской жаргонной кличкой немца: Was ist das? — Что это? (нем.). Купцы в небольших лавочках на окраинах города арендовали помещения с одним окном, через которые и вели торговлю.

А далее вновь лирическое отступление с использованием ретроципации:

Я помню море пред грозою:
Как я желал тогда с волнами
Я не желал с таким мученьем
Лобзать уста младых Армид,
Мне памятно другое время!..

Диалогичность речемышления А.С. Пушкина превращается в игру с внимательным, думающим читателем: автор формулирует оценку, провоцирует ее, ставит под сомнение. Рядом с информационным аспектом четко угадывается сопровождающий его метатекстовый, с помощью которого автор предупреждает реакцию читателя и «отвечает» на нее, учитывая в речевой ткани произведения.

«Скрытое» авторство выражают редуцированные метатекстовые конструкции, в которых эгоцентрированные «я помню», «я не желал», «я был озлоблен» или «я негой наслажусь на воле» заменяются оборотами с «мы» (но «мы» может обозначать и «мы с вами»), с глаголами в безличном употреблении и модальными элементами текста. Они помогают реализовывать интенции автора в ненавязчивой форме, задающей, однако, некий принцип видения вещей.

Условий света свергнув бремя,
Как он, отстав от суеты,
С ним подружился я в то время.
Мне нравились его черты…

Местоимение «я» предупреждает читателя о том, что Пушкин в тексте романа выступает уже не в качестве носителя авторской речи, а как непосредственного персонажа. Пушкин здесь скорее друг, участник действия. Это, конечно, не исключает, что те или иные наблюдения могли быть исходными импульсами, которые затем сложно преломлялись и трансформировались в соответствии с законами художественного мышления автора:

Кто жил и мыслил, тот не может
В душе не презирать людей;
Кто чувствовал, того тревожит
Призрак невозвратимых дней…

Придет ли час моей свободы?
Пора, пора! - взываю к ней;
Под небом Африки моей...

Строфы посвящены планам побега за границу, обдумывавшимся Пушкиным в Одессе. Маршрут, намеченный в XLIX строфе, близок к маршруту Чайльд-Гарольда, но повторяет его в противоположном направлении.

Перенесение общеизвестного выражения в поэтический текст декларировало новые для Пушкина художественные принципы: отказ от лирического слияния автора и героя и разрыв с романтической традицией, требовавшей создания вокруг поэмы атмосферы интимных лирических признаний автора и вовлечения мифологизированной биографии поэта в сложную игру отношений к поэтическим образам.

Кроме того, в качестве метамаркеров А.С. Пушкин использует в данном отрывке кавычки, шрифтовые выделения. Метаязыковая функция кавычек и шрифта заключается в том, что они вносят смысл «говорю чужим языком, использую слова из иного стиля, чужого языка, другого варианта национального языка и т.д. [Перфильева 2006: 34].

Стоит отметить, что Пушкин достаточно часто использует ретроципацию. Примером могут служить следующие строки:

И деву гор, мой идеал…

Имеется в виду черкешенка, героиня «Кавказского пленника».

И пленниц берегов Салгира.

Имеется в виду «Бахчисарайский фонтан». Салгир — река в Крыму.

Строфа, завершающая первую главу, декларирует важнейшие творческие принципы поэта: свободное движение плана действия и принцип совмещения противоречий [4].

Я думал уж о форме плана
И как героя назову;
Покамест моего романа
Я кончил первую главу…

Вторую главу А.С. Пушкин открывает цитатами: двойной эпиграф.

Цитирование создает каламбурное противоречие между традицией условно-литературного образа деревни и представлением о реальной русской деревне.

Одновременно задается типичное для всех последующих глав отношение к литературной традиции: цитатой, реминисценцией или эпитетом в сознании читателя оживляется некоторое ожидание, которое в дальнейшем не реализуется, демонстративно сталкиваясь с внелитературными законами действительности:

Деревня, где скучал Евгений,
Была прелестный уголок;..
Почтенный замок был построен…

В метатексте автор намеренно использует лексические единицы, содержащие в своей смысловой структуре возвышенные коннотации, намеренно противопоставляет номинации (помещичий дом – замок), иронизирует по поводу речевой манеры романтиков. Всё это хорошо знакомо читателю, примеры из популярных произведений не нуждаются в комментарии, поэтому смыслы, заложенные в каждом метавысказывании, объединяясь, образуют один глубинный смысл, содержащий негативную оценку «я слышу эти слова, вижу эти вещи, понимаю, что слова не соответствуют действительности, и мне это не нравится».

Называя помещичий дом «за́мком» А.С. Пушкин, с одной стороны, иронизирует, а с другой — подсказывает, что ложное ожидание напряженно-авантюрного развития сюжета, которое традиционно должно было следовать после прибытия героя в «замок» не будет оправдано и переходит к ироничной характеристике своего поколения:

Но дружбы нет и той меж нами.
Все предрассудки истребя,
Мы почитаем всех нулями,
А единицами - себя.
Мы все глядим в Наполеоны;
Двуногих тварей миллионы
Для нас орудие одно;
Нам чувство дико и смешно.

Отношение А.С. Пушкина к Наполеону во время работы над второй главой было сложным. С одной стороны, в условиях реставрации и торжества реакционных монархий фигура свергнутого императора французов была окружена не только политическим, но и личным обаянием.

Однако, с другой стороны, в свете критики романтизма, актуальным для Пушкина выступало другое обличие Наполеона: он становился символом и высшим проявлением всеевропейского эгоизма, в его деятельности подчеркивался политический аморализм и готовность всем пожертвовать личному честолюбию. А эти свойства были для А.С. Пушкина этическими соответствиями того, что в политике выступало как деспотизм. Наполеон в такой трактовке становился создателем новой тирании:

«Мы», от лица которого написана строфа, вносит голос этого поколения романтических эгоистов. Из него исключены автор, отделенный от тех, то почитает «всех нулями», ироническим тоном, и Онегин, который «чуже чувство уважал» и был «сноснее многих».

В душе не презирать людей дается от имени некоторой общей позиции автора — Онегина. Общее читатель находит и между поэтом и Владимиром Ленским.

В строфы, посвященные характеристике поэзии Ленского, Пушкин включает устойчивые фразеологизмы романтической поэзии: «чистая любовь», «сладкое мученье», «с лирой странствовал на свете», «поэтический огонь», «возвышенные музы», «возвышенные чувства» и пр. Поскольку в пределах строфы им не дано стилистической антитезы, они воспринимаются как свойство авторской точки зрения [Якобсон 1975: 67].

В строфе X романтические штампы контрастно сопоставлены в последнем стихе с иронически освещающей их авторской речью, а некоторые выделены курсивом, который в пушкинском романе обычно обозначает чужую речь (заменяя, в соответствии с традициями графики той поры, современные кавычки). В результате поток романтических выражений становится в X строфе не авторской точкой зрения, а объектом авторского наблюдения и изображения. Такое «скольжение» позиции повествователя позволяет А.С. Пушкину создать «объемный» текст.

Передавая Онегину собственные критические оценки русского романтического Парнаса, автор предельно приблизил героя к своей позиции повествователя. В этот момент работы над второй главой центральный герой романа настолько приблизился к повествователю, что создалась угроза их слияния и как бы возрождения принципов романтической поэмы. Чтобы не произошло этого, Пушкин попытался прибегнуть к условному снижению образа повествователя. Когда Онегин стал воплощением высших возможностей личности автора, условное «я» носителя

речи должно было обрисовать его низшего двойника. Если в «измученной груди» Онегина «кипели страсти», то и носитель авторской речи, сделавшийся вдруг объектом иронии и, следовательно, отчужденный от авторской точки зрения, не остался им чужд:

Что до меня, то мне на часть
Досталась пламенная страсть.
Страсть к банку! ни любовь свободы
Ни Феб, ни дружба, ни пиры
Не отвлекли б в минувши годы
Меня от карточной игры…

Следующее лирическое отступление также имеет в себе очень интересный метамаркер:

Я знал красавиц недоступных,
Холодных, чистых, как зима,
Неумолимых, неподкупных,
Непостижимых для ума;
Дивился я их спеси модной,
Их добродетели природной,
И, признаюсь, от них бежал…

Далее поэт также использует имитацию непосредственного и доверительного разговора с читателем:

А что? Да так. Я усыпляю
Пустые, черные мечты…

Подражание устной речи достигается введением слов, значение которых целиком определяется интонацией («А что? Да так», «Гм! гм!»). Это подчеркивается торжественностью интонации последующей фразы, звучащей как ироническая цитата из какой-то посторонней официальной речи. Слово «мечты» здесь употреблено в исконном церковнославянском значении: ложные мнения, обманные призраки. Оценка авторских горьких наблюдений над эгоизмом окружающего света как «пустых, черных» мечтаний и торжественный глагол «усыплять» в значении «опровергать», «отбрасывать» составляют очевидное стилистически инородное включение в строфу.

Вы согласитесь, мой читатель,
Что очень мило поступил
С печальной Таней наш приятель;
Не в первый раз он тут явил
Души прямое благородство,
Хотя людей недоброхотство
В нем не щадило ничего:
Враги его, друзья его
(Что, может быть, одно и то же)
Его честили так и сяк.
Врагов имеет в мире всяк,
Но от друзей спаси нас, боже!
Уж эти мне друзья, друзья!
Об них недаром вспомнил я.

Я только в скобках замечаю…

Вводя в текст романа рассуждения о принципах его построения («метапостроения»), Пушкин создавал исключительно своеобразный интонационный рисунок.

А что? Да так. Я усыпляю
Пустые, черные мечты;
Я только *в скобках* замечаю,

1.2. Функции метатекста в создании образа Евгения Онегина

Комментирование поэтом текста с помощью метамаркеров позволяет ему дать оценку всему происходящему, увлечь читателя, помочь понять происходящее. Используя функцию оценочности, Пушкин вводит читателя в действие, ближе знакомит с героем, показывает его неявные черты:

Так думал молодой повеса,
Летя в пыли на почтовых…

Повеса — шалун, проказник, шалопай. Слово «повеса» имело в 1810-е гг. почти терминологическое значение. Оно применялось к кругу разгульной молодежи, в поведении которой сочетались бесшабашная веселость, презрение к светским приличиям и некоторый привкус политической оппозиционности [4].

Таким образом, автору удаётся дать скрытую характеристику персонажа, Иначе говоря, в метавысказывании заложен смысл «шалун, проказник, шалопай». В тексте постоянно чувствуется авторская ирония. Включение метаединиц позволяет автору помочь читателю почувствовать эту иронию, дать верную характеристику персонажу. В качестве таких знаков рассматриваются кавычки, шрифтовые выделения, абзацы, курсив, особая пунктуация.

Например:

Сперва *Madame* за ним ходила…

В первоначальном варианте учитель Онегина должен был получить такую характеристику:

Мосье Швейцарец очень [умный]
Учил его всему шутя
Что<б> не измучился дитя
Не докучая бранью [шумной]

А.С. Пушкин рассчитывает на то, что в таком контексте обучение «шутя» будет воспринято читателем как изложение основ педагогики Руссо («Швейцарец очень умный»). В Кишиневе Пушкин пережил увлечение Руссо и заново перечел его основные произведения. Не исключено, однако, что такая трактовка образа учителя была навеяна «Моей исповедью» Карамзина. Там учитель «женевец (прошу заметить, а не француз, потому что в это время французские гувернеры в знатных домах наших выходили уже из моды)» произносит следующую речь перед своим воспитанником: «Я родился в республике и ненавижу тиранство! Надеюсь только, что моя снисходительность заслужит со временем твою признательность» [8].

Сперва *Madame* за ним ходила,
Потом *Monsieur* ее сменил.
Ребенок был резов, но мил.
Monsieur l'Abbe, француз убогой,
Как *dandy* {2} лондонский одет -…

Метакомпоненты могут быть представлены и вводными словами, которые также служат для выражения отношения автора высказывания к предмету речи.

Например, следующий фрагмент

Мы все учились понемногу…

Так воспитаньем, слава богу,…

Онегин был, по мненью многих…

Ироническое звучание в комментируемом тексте возникает за счет противоречия между реальным уровнем знаний Онегина и представлением о нем «общества», в свете которого умственный кругозор людей светского круга является в еще более жалком виде.

Бывало, он еще в постеле…

Распорядок дня франта сдвинут по отношению к средним нормам светского времяпрепровождения, вводное слово поддерживает ироничность автора. День Онегина начинается гораздо позже обычного («проснется за-полдень»). Для сравнения приведем следующий отрывок: «В высшем обществе день начинался довольно рано: в 10 часов вставали, обед происходил обыкновенно в 4–5 часов» [Северцев 1903: 224].

Смысловая структура метафрагментов формируется с помощью лингвистических и экстралингвистических знаний автора и читателя, способности языковых единиц иметь прямые и переносные значения:

Огнем нежданных эпиграмм…

Пушкин с помощью метафоры дает понять, что эпиграмма: «Колкое, остроумное замечание, насмешка, острота» (Словарь языка Пушкина, IV, 1007) здесь вовсе не причем. Здесь не имеется в виду один из жанров сатирической поэзии, это вытекает из подчеркнутой Пушкиным неспособности Онегина к стихотворству.

Далее поэт использует важные функции метатекста, связанные с тем, что автор не только строит текст, но и выступает в роли своеобразного «контролера» собственной речевой деятельности. Его задача состоит не только в том, чтобы высказать свои мысли, но и в том, чтобы позаботиться о правильном их восприятии адресатом. Автор должен предвидеть и предупредить возможную коммуникативную неудачу:

Латынь из моды вышла ныне…

Из Энеиды два стиха…

А.С. Пушкин здесь опирается на информированность читателя-современника, знающего, что латынь не входила в круг светского дворянского образования. Но для интеллигенции XVIII — начала XIX вв. латынь была языком-паролем.

Дальнейший комментарий автора: «Не мог он Тацита <читать>», «не мог он tabula спрягать» (VI, 219) - имеет иронический характер. Следует особо отметить, что знание латинского языка было распространено среди декабристов. Пушкин также «хорошо учился латинскому языку в Лицее» и позже читал в подлиннике даже сравнительно малоизвестных латинских авторов [10]. Латинским языком владели П.И. Якушкин, М.Ф. Орлов, А.О. Корнилович, А.М. Дмитриев-Мамонов, Г.С. Батеньков, Н.М. Муравьев, Н.И. Тургенев и многие другие. Читатель романа должен был об этом, бесспорно, хорошо знать. Примечательны и те ничтожные крохи латинской лексики, которые Пушкин вкладывает в уста своего героя

Чтоб эпиграфы разбирать…

Эпигра́фы: античные надписи на памятниках, зданиях и гробницах. Наиболее известные из античных эпиграфов включались в популярные французские хрестоматии и входили в начальный курс древних языков, о чем, конечно, знали современники.

Таким образом, в смысловой структуре текста метафрагменты играют очень важную роль, поскольку позволяют автору подробно и полно репрезентировать рефлексию на собственную и

чужую речевую деятельность. Метамаркеры в тексте романа служат для переключения внимания читателя на наиболее существенные с точки зрения автора фрагменты текста:

Так, если правду вам сказать,
Не мог он ямба от хорея,
Как мы ни бились, отличить…
Высокой страсти не имея…

Среди многих современников А.С. Пушкина, а особо в кругу карамзинистов, было распространено представление о поэзии как мериле прогресса в деле цивилизации. Н.И. Тургенев (мнение его было хорошо известно Пушкину) [Северцев 1903: 128] считал, что поэзия отвлекает молодежь от важнейших политических занятий. В «проспектусе» проектируемого им в 1819 г. журнала он жаловался, что русская литература ограничивается «почти одною поэзиею. Сочинения в прозе не касаются до предметов политики» (Дневники и письма Николая Тургенева, т. III. Пг., 1921, с. 369). В. Ф. Раевский в «Вечере в Кишиневе» восклицал: «Я стихов терпеть не могу!». Все это свидетельствовало об определенной направленности умов в Союзе Благоденствия и в близких к нему кругах. Называя поэзию «высокой страстью» (церковносл. «страсть» имеет значение «страдание», «мука», «болезнь») Пушкин указывал на опасность поэтического труда в России («для звуков жизни не щадить») и полемизировал с идеей своих политических друзей.

В тех кругах Союза Благоденствия, с которыми соприкасался Пушкин (кружок Н.И. Тургенева), увлечение античной поэзией вызывало ироническое отношение. Пушкину были известны слова Н.И. Тургенева во вступительной речи при приеме в «Арзамас», иронически противопоставлявшие бесполезный, по его мнению, перевод «Илиады» Гнедичем полезным сочинениям по политической экономии: «Я, занимая мысли мои <…> финансами, вздумал, что приличнее было бы помощнику библиотекаря и переводчику Гомера, вместо Илиады, перевести в стихах…Трактат о налогах и доходах». Пушкин свои разговоры с Н. Тургеневым, утверждавшим, что «поэзия и вообще изящная литература не может наполнить души нашей, открытой для впечатлений важных, решительных» во взглядах Онегина. Таким образом, Онегин вслед за Адамом Смитом видел путь к повышению доходности хозяйства в увеличении его производительности.

Отец же Онегина предпочитал идти по традиционному для русских помещиков пути: разорение крестьян в результате увеличения повинностей и последующий заклад поместья в банк [5].

Интерес к политической экономии был яркой чертой общественных настроений современников Пушкина

Когда простой продукт имеет…

У Пушкина курсив и разрядка подчеркивают цитатный и терминологический характер этого выражения.

Всего, что знал еще Евгений,
Пересказать мне недосуг…

Таким образом, метамаркеры помогают А.С. Пушкину заставить читателя понять подтекст, заложенный в его словах, удерживать внимание читателя, выстраивать логические связи между частями повествования и тем самым обеспечивать более глубокое понимание текста.

В результате использования автором метатекста для выражения определенного отношения к герою в романе «Евгений Онегин» формируется то дополнительное смысловое содержание, которое помогает выразить точку зрения автора.

Но вы, блаженные мужья,

С ним оставались вы друзья:

Его ласкал супруг лукавый,

Обращение помогает поэту подчеркнуть снисходительность общества к Онегину, вольность нравов, ложные ценности: Евгению прощают все, потому что он знает правила поведения в высшем обществе.

Бывало, он еще в постели:

Ироничное отношение автора к герою поддерживается здесь вводным словом, Пушкин как бы намекает читателю: я люблю Онегина, но его недостатки вижу хорошо.

Куда ж поскачет мой проказник?

С кого начнет он? Все равно:

Везде поспеть немудрено.

Данные строки служат ярким примером тому, как метатекст позволяет Пушкину предупредить читателя о том, что будет предметом внимания дальше (антиципация). Онегин в театре, но в отличие от автора он испытывает совсем другие чувства:

Двойной лорнет скосясь наводит

На ложи незнакомых дам.

Пушкин отделяет героя, подчеркивает, что у него совсем другие интересы, нежели у него. Смысловая структура метатекста здесь формируется в результате комбинаторного взаимодействия смысловых установок текста романа, а также языковой, коммуникативно-прагматической и речевой семантики единиц, составляющих текст и метатекст. Читатель понимает, что Евгений ведет себя дерзко и вызывающе, потому что рассматривать не сцену, а зрительный зал (к тому же еще — незнакомых дам) — дерзость поведения щеголя, глядеть «скосясь» — также оскорбительно для тех, на кого смотрят. Притворная близорукость была одним из признаков щеголя. Особенно неприличным считалось смотреть через очки или лорнет на дам.

«Создавая некую модель мира, писатель всегда соотносит эту модель с миром современной ему социальной действительности…».

Кабинет Онегина описан в традициях сатиры XVIII в., высмеивание щеголей, а также включает и отзвуки одновременно иронического и сочувственного изображения быта щеголя в стихотворении Вольтера «Светский человек». Вольтер, в противоположность Руссо, видит в роскоши положительный результат успехов цивилизации:

Руссо… В сем случае совсем не прав…

Стихи дополняют стилистический конфликт предшествующего текста идеологическим: вводится резкое высказывание Руссо против моды (с приведением в примечаниях цитаты из «Исповеди» Руссо в подлиннике). Сталкиваются две резко противоположные оценки Руссо: «Защитник вольности и прав» и «Красноречивый сумасброд».

Второй Чадаев, мой Евгений…

До этой строфы Пушкин очень осторожно вводил Онегина в свое биографическое окружение. Здесь впервые такое сближение осуществляется прямо, причем по вызвавшему споры в кругу «либералистов» вопросу о возможности совместить черты «дельного человека» и денди.

Смысловая структура метатекста здесь включает знания читателем своих выдающихся современников, на которые автор, без сомнения, рассчитывает.

Панталоны, фрак, жилет в начале XIX века относились к сравнительно новым видам одежды, терминология и функциональное употребление которых еще не установилось.

В последнем вкусе туалетом
Заняв ваш любопытный взгляд,
Я мог бы пред ученым светом
Здесь описать его наряд;
Конечно б это было смело,
Описывать мое же дело:
Но панталоны, фрак, жилет,
Всех этих слов на русском нет;
А вижу я, винюсь пред вами,
Что уж и так мой бедный слог
Пестреть гораздо б меньше мог…

В 1819 г., т. е. именно во время действия первой главы «Евгения Онегина», франты начали носить белые панталоны навыпуск. Жилеты, хотя и были известны в XVIII в. (гвардейские модники екатерининских времен на́шивали по семи жилетов один поверх другого), но, как и фраки, подвергались гонению при Павле I. Комментируемые стихи воспринимаются как ирония в адрес иноязычной лексики и европеизированного быта русского денди.

Совершенно очевидно, что следующие строки продолжают начатую тему, и метатекстовые образования обеспечивают не столько развертывание основного текста, сколько активное восприятие его адресатом. Для этого А.С. Пушкин и использует сравнение, которое усиливает эффект ранее сказанного: мало того что так одет, еще и похож на модных чудаков …

И из уборной выходил
Подобный ветреной Венере…

Пушкин тем самым подчеркивает, что господствовавший в петербургском свете «французский» идеал модного поведения требовал отказа от резко выраженных индивидуальных особенностей.

Таким образом, «странным человеком», «чудаком» в глазах общества, на вершинах культуры оказывался романтический бунтарь, а в прозаическом, бытовом варианте — петербургский денди, тень от прически которого мелькает на освещенных стеклах петербургской залы.

Но был ли счастлив мой Евгений,
Свободный, в цвете лучших лет…

Строки показывают духовное сближение автора и Онегина.

Теперь Пушкин, используя метафоры, подчеркивает включенность «нового» Онегина, в отличие от предшествующих характеристик, в мир поэтических ассоциаций:

Ночное небо над Невою
И вод веселое стекло
Не отражает лик Дианы,
Воспомня прежних лет романы,
Воспомня прежнюю любовь,

Онегин начинает новую жизнь: он в деревне. В сопоставлении с деревенскими соседями Онегин выглядит не только как просвещенный столичный житель, но и как либерал. Евгений

сразу же вызвал неприязнь соседей. А.С. Пушкин, используя вводное слово, подчеркивает, что герою совсем неважно, как к нему относятся:

Да, впрочем, другу моему
В том нужды было очень мало...

Стремление облегчить участь крестьян, нежелание знакомиться с соседями и даже прозвище чудака помогают создать «онегинский комплекс», который А.С. Пушкин усиливает с помощью элементов метатекста: метафоры, эпитетов [3].

Сперва задумал наш Евгений
Порядок новый учредить…

Единственный с кем Онегин находит общий язык – это Ленский. Он глубоко симпатичен и А.С. Пушкину, об этом свидетельствуют метаэпитеты и метафоры, которыми поэт характеризует героя.

Но Ленский, не имев, конечно,
От делать нечего друзья.
По имени Владимир Ленской,
С душою прямо геттингенской,

«Геттингенская душа» была для Пушкина вполне конкретным и далеким от политической нейтральности представлением. Геттингенский университет был одним из наиболее либеральных университетов не только Германии, но и Европы.

Под стать ему и Ольга:
Все в Ольге… но любой роман…

Имя Ольга встречалось в литературных произведениях с «древнерусским колоритом». Внешность Ольги повторяет распространенный романтический стереотип: «белокурые волосы», голубые глаза, нежная улыбка, стройный стан.

Все в Ольге... но любой роман…

1.3. Компоненты смысловой структуры метатекста и специфика их использования в создании образа Татьяны

Ее сестра звалась Татьяна...
Впервые именем таким
Страницы нежные романа
Мы своевольно освятим.
И что ж? оно приятно, звучно;

К этому стиху Пушкин сделал примечание: «Сладкозвучнейшие греческие имена, каковы, например: Агафон, Филат, Федора, Фекла и проч., употребляются у нас только между простолюдинами» (VI, 192). Подсчеты В.А. Никонова (к сожалению, проведенные на частичном материале) показывают резкое разделение женских имен XVIII — начала XIX вв. на «дворянские» и «крестьянские». Агафья, Акулина, Ирина, Ксения, Марина и др. были, в основном, крестьянскими именами, а Александра, Елизавета, Ольга, Юлия — дворянскими. Имя «Татьяна» встречается у крестьянок от 18 до 30 (по различным уездам) раз на тысячу, а у дворянок — лишь 10 [6]

Итак, она звалась Татьяной.

С помощью вводного слова здесь создается эллипс как разновидность метамаркера. Итак, я продолжаю рассказ, она звалась Татьяной…

Она любила Ричардсона

Не потому, чтобы прочла,
Не потому, чтоб Грандисона…

С помощью метамаркеров Пушкин постоянно контролирует действие, старается представить героиню с лучшей стороны, своими комментариями он как бы обращается к читателю: такой девушке можно простить слабости.

И дождалась... Открылись очи;
Она сказала: это он!
Увы! теперь и дни и ночи,
И жаркий одинокий сон,
Все полно им; все деве милой
Без умолку волшебной силой
Твердит о нем. Докучны ей
И звуки ласковых речей,

Междометие помогает Пушкину дать понять читателю: Татьяна не простая героиня, любимая, я ей сочувствую и люблю, горжусь ей.

За что ж виновнее Татьяна?
За то ль, что в милой простоте
Она не ведает обмана
И верит избранной мечте?

Поэт использует функцию метатекста – диалогизацию, вступая в спор с читателями и воображаемыми противниками, осуждающими Татьяну. Спор ведется горячо, с использованием в качестве аргументов эпитетов и метафор:

За то ль, что любит без искусства,
Послушная влеченью чувства,
Что так доверчива она,
Что от небес одарена
Воображением мятежным,
Умом и волею живой,
И своенравной головой,
И сердцем пламенным и нежным?
Ужели не простите ей
Вы легкомыслия страстей?

Далее А.С. Пушкин как и при создании образа Онегина использует антиципацию – предвосхищение дальнейшего содержания, отсылку к дальнейшему изложению, а также комментирующую функцию метатекста [3]

Еще предвижу затрудненья:
Родной земли спасая честь,
Я должен буду, без сомненья,
Письмо Татьяны перевесть.
Она по-русски плохо знала,
Журналов наших не читала
И выражалася с трудом
На языке своем родном,
Итак, писала по-французски...
Что делать! повторяю вновь:

Доныне дамская любовь
Не изьяснялася по-русски,
Доныне гордый наш язык
К почтовой прозе не привык.

Назвав два «ложных адреса» для характеристики образцов стиля письма Татьяны к Онегину (Парни и Баратынский), Пушкин предлагает читателю третью версию: письмо Татьяны характеризуется теперь как подлинный документ, вмонтированный в роман. Включив письмо Татьяны в своем «пересказе», Пушкин дал его текст вне обычной строфической структуры романа, выделив тем самым его инородность на общем фоне повествования.

Письмо Татьяны предо мною;
Его я свято берегу,
Читаю с тайною тоскою
И начитаться не могу.
Кто ей внушал и эту нежность,
И слов любезную небрежность?
Кто ей внушал умильный вздор,
Безумный сердца разговор,
И увлекательный и вредный?
Я не могу понять. Но вот
Неполный, слабый перевод,
С живой картины список бледный
Или разыгранный Фрейшиц
Перстами робких учениц:

Пушкин вступает в диалог со своей героиней, обращаясь к ней во втором лице. Пушкин в стилистическом отношении как бы переходит на язык Татьяны: соединяет галлицизмы «блаженство темное»; (le bonheur obscur, т. е. «неизвестное счастье»), штампы романтического языка («волшебный яд желаний», «приюты счастливых свиданий», «искуситель роковой») с «модным наречием» (языком щеголей), откуда заимствовано «тиран» в значении «возлюбленный». «Погибнешь, милая» - обращение, которое представляет собой сюжетный прогноз с позиции Татьяны («Погибну,- Таня говорит, …Но гибель от него любезна» VI, III, 11–12).

Татьяна, милая Татьяна!
С тобой теперь я слезы лью;
Ты в руки модного тирана
Уж отдала судьбу свою.
Погибнешь, милая; но прежде
Ты в ослепительной надежде
Блаженство темное зовешь,
Ты негу жизни узнаешь,
Ты пьешь волшебный яд желаний,
Тебя преследуют мечты:
Везде воображаешь ты
Приюты счастливых свиданий;
Везде, везде перед тобой
Твой искуситель роковой.

Тоска любви Татьяну гонит,
И в сад идет она грустить,

Все тихо. Светит ей луна.
Облокотясь, Татьяна пишет,
И все Евгений на уме,
И в необдуманном письме
Любовь невинной девы дышит.
Письмо готово, сложено...
Татьяна! для кого ж оно?

Но, получив посланье Тани,
Онегин живо тронут был:
Язык девических мечтаний
В нем думы роем возмутил;
И вспомнил он Татьяны милой
И бледный цвет и вид унылый;
И в сладостный, безгрешный сон
Душою погрузился он.
Быть может, чувствий пыл старинный
Им на минуту овладел;
Но обмануть он не хотел
Доверчивость души невинной.
Теперь мы в сад перелетим,
Где встретилась Татьяна с ним.

В «Проповеди» Онегина отсутствуют литературные клише и реминисценции, в отличие от письма Татьяны к Онегину, чем А.С. Пушкин подчеркивает, начитанность и романтичность Татьяны и прагматизм Онегина

Так проповедовал Евгений.

……...

Поведение Онегина неожиданно для Татьяны, потому что ведет себя не как литературный герой («спаситель» или «соблазнитель»), а как светский щёголь, который «очень мило поступил с печальной Таней». Евгений ведет себя не по привычным для Татьяны законам литературы, а как человек пушкинского круга. Евгений поставил романтическую героиню в неловкую ситуацию: она была готова и к «счастливым свиданьям», и к «гибели», а не к выговору, что ведет себя не светским законам поведения. А.С. Пушкин с помощью метамаркеров, нашедших свое воплощение в письмах героя, продемонстрировал ложность всех штампованных сюжетных схем. Кроме того, А.С. Пушкин с помощью метаэлемнтов предупреждает читателя о том, что для автора отсутствует возможность следования и идиллическому, и трагическому литературному романному трафарету. Поэт противопоставляет этим трафаретам законы лежащей вне литературы жизни. Не случайно во всех последующих строфах главы доминирует тема литературной полемики, разоблачения литературных штампов и противопоставления им действительности, истины и прозы. Далее следует фраза:

Как говорится, *машинально*…

Машинально автор выделяет курсивом, потому что это слово воспринималось как недопустимое в поэтическом тексте, так как это цитата из разговорного языка. В контексте романа это слово воспринималось как резкий диссонанс, цитата из бытовой речи.

Далее поэт представляет полемическое сопоставление литературного культа любви и дружбы и бытовой реальности светской жизни. И идиллическое прославление дружбы и любви, романтическое в них разочарование как явления «литературы» Пушкин сопоставляет с реальностью, чтобы разоблачить их условный, нереальный характер. Противопоставляемая культу пламенных чувств проповедь эгоизма («любите самого себя» — XXII, 11) также имеет характер не философского обобщения, а практического рецепта относительно того, как себя следует вести в, чтобы сохранить независимость и личное достоинство. В результате, голос здравого рассудка делается объектом авторской иронии.

1.4. Типология метатекста в романе А.С. Пушкина «Евгений Онегин»

Текст представляет собой гетерогенную структуру – «двутекст». (А.Вежбицкая). В нем есть два «потока» содержания: речь собственно о предмете описания и своеобразный «разговор» автора с адресатом об особенностях текста. Процесс порождения текста романа Пушкиным предполагает как бы «раздвоение личности» автора, который выступает одновременно и как автор речи, и как участник и контролер происходящего.

Метатекстовые компоненты в тексте имеет собственный набор средств выражения, так называемые формальные показатели. Рассмотрим основные средства метатекста.

1. Метатекстовые элементы служат в тексте своеобразным средством связи. При этом они могут связывать не только контактно расположенные части текста, но и фрагменты, которые в тексте достаточно удалены друг от друга. Для больших текстов характерны два вида «далеких» связей:

а) ретроципация – возвращение к уже написанному: примеры ретроципации встречаются в тексте романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин» достаточно редко в соотношении с другими видами метатекста, тем не менее, все случаи употребления ретроципации достаточно яркие. В тексте романа нами было выделено 6 примеров;

б) антиципация – предвосхищение дальнейшего содержания, отсылка к дальнейшему изложению: в тексте романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин» выделено нами 6 раз. Поэтому можно сделать вывод о том, что оба этих метотекстовых элемента используются А.С. Пушкиным в равном соотношении, потому что позволяют ассоциировать различные отрезки времени и жизни самого автора с происходящими в романе событиями, в результате автор постоянно контролирует происходящее и поддерживает постоянный интерес читателя: читатель становится соучастником происходящих событий.

2. Следует выделить вид метатекста, который автор использует для того, чтобы выступить в роли своеобразного «контролера» собственной речевой деятельности, при этом его задача состоит не только в том, чтобы высказать свои мысли, но и в том, чтобы позаботиться о правильном их восприятии адресатом. Этот вид метатекста в романе А.С. Пушкина «Евгений Онегин» встречается наиболее часто – 103 примера.

3. Графические выделения – курсив, разрядка, прописной или полужирный шрифт, подчеркивания, знак ударения – также часто встречаются в тексте романа (114 примеров). Они выполняют ту же функцию, что и метатекстовый элемент автор-контролер.

4. А.С. Пушкин в романе достаточно часто использует специальные фразы, которые указывают на авторство идей, высказываний, которые цитируются в тексте:

И, мнится, с ужасом читал
Над их бровями надпись ада:
Оставь надежду навсегда.
Внушать любовь для них беда,
Пугать людей для них отрада.
Быть может, на брегах Невы
Подобных дам видали вы.

Оставь надежда навсегда - 9-й стих третьей песни «Ада» Данте Алигьери: «Оставь надежду всяк сюда входящий». Процитированный Пушкиным стих передает иронию и презрение поэта к опытным кокеткам. «Надпись ада» над бровями красавицы, кроме всего прочего, еще и яркая метафора, которая в продолжении текста поддерживается эпитетами, уточняющими мысль поэта, его чувства:

Среди поклонников послушных
Других причудниц я видал,
Самолюбиво равнодушных
Для вздохов страстных и похвал.
И что ж нашел я с изумленьем?
Они, суровым повеленьем
Пугая робкую любовь,
Ее привлечь умели вновь
По крайней мере сожаленьем,
По крайней мере звук речей
Казался иногда нежней,
И с легковерным ослепленьем
Опять любовник молодой
Бежал за милой суетой.

Автор может при помощи метатекста выразить свое отношение к чужой идее, высказать ту или иную оценку:

XXXVII–XXXVIII строфы вводят тему байронического разочарования Онегина и «преждевременной старости души». Пушкин это делает в том иронически-сниженном освещении, которое было типично для наиболее радикальных деятелей тайных обществ, в частности кишиневского окружения Пушкина.

Как C h i l d-H a r o l d, угрюмый, томный…

Чайльд-Гарольд — герой поэмы Байрона «Странствование Чайльд-Гарольда» (1812–1818). Пушкин в период работы над первой главой «Евгения Онегина» читал поэму во французском прозаическом переводе: Oeuvres complètes de lord Byron, traduites de l'anglais par A. E. Chastopallis. Paris, 1820. Чайльд-Гарольд стал нарицательным именем для обозначения разочарованного байронического героя. Чтобы привлечь внимание читателя поэт использует английское написание имени героя:

Недуг, которого причину
Давно бы отыскать пора,
Как Child-Harold, угрюмый, томный…

Причудницы большого света!
Всех прежде вас оставил он;

И правда то, что в наши лета
Довольно скучен высший тон;

Примеров цитирования в романе нами найдено 27.

5. Вводные словосочетания и предложения, используемые Пушкиным, указывают на различные чувства, последовательность мыслей, направление хода мыслей. Таких примеров найдено 34.

6. Вставные конструкции, которые представляют собой попутные замечания, отделяемые от основного текста парными знаками препинания – скобками или тире: соответственно, 15 и 19:

Ах, он любил, как в наши лета
Уже не любят; как одна
Безумная душа поэта
Еще любить осуждена:
Всегда, везде одно мечтанье,
Одно привычное желанье...

Вставная конструкция, использованная Пушкиным, характеризует достаточно ярко романтические чувства Ленского.

7. Метатекстовая функция анафорических местоимений (этот, там, так; то, что я видел; тот, о котором я говорила; и др.) – 31.

8. Местоимение «Я» - 87

9. Метатекстовый компонент – единица метатекста, которая репрезентируется фразеологическим оборотом, фразеологизированным выражением – 8.

10.Метафора, эпитет, метафорический эпитет. В тексте романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин» найдено 27 примеров.

11. Лирические отступления – 14.

12. Риторический вопрос – 11.

13. Междометия – 23.

14. Обращения – 30.

15. Инверсия – 5.

Таким образом, в ходе анализа метатекстовых элементов было установлено: наиболее часто используются курсив, автор-контролер действия. Полученные данные могут быть представлены в диаграмме:

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Несмотря на то, что существуют различные подходы к определению понятия «метатекст», исследователи подчеркивают важность наличия метатекста, в частности, в текстах художественных произведений. Особенно важным признается метатекст, позволяющий структурировать текст как единое целое, а также метатекст, отражающий сомнения (неуверенность) автора в отношении истинности «ли неистинности излагаемого содержания. Тем самым такой метатекст создает предпосылки для более глубокого осмысления прочитанного, позволяет реципиентам выражать свою точку зрения на обсуждаемую в тексте тему, а также способствует лучшему запоминанию излагаемой в тексте информации.

Наиболее важным признается стремление читателя понять и осмыслить точку зрения автора, а также выразить свое отношение к прочитанному: в тексте встречаются миры чтеца и автора, стремящиеся не столько понять тексты друг друга, сколько понять друг друга и тот мир, в котором они живут.

В нашем исследовании метатекст рассматривается как подпространство художественного текста, включающее отрезки текста, которые выполняют функцию авторского метакомментирования. С их помощью автор структурирует текст как единое целое, устанавливает связи между структурными компонентами. Фактор социальной интеракции включает в себя отношение автора к содержанию текста, его направленность на убеждение реципиента и формы обращенности к читателю (выражение присутствия автора, тональность форм обращения к читателю и формы установления с ним контакта, а также формы выражения смягчения. Метатекст в таком понимании - это прагматическое, функционально-семантическое явление, присущее любому письменному или устному тексту и обладающее текстообразующей потенцией (строевая, организующая функция).

Сказанное подтверждает текст романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин». В нем средства метатекста (текстуальные и интерперсональные) способствуют ориентации читателя, как в содержательной, так и в композиционной структуре, облегчая тем самым восприятие всего текстового пространства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Буров А.А. Когниолингвистические вариации на тему русской языковой картины мира. – Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2003. – 361с.
2. Буров А.А., Кулага О.В. Художественный текст и его метатекстовая составляющая в прозе В.В. Набокова//Известия ЮФУ, 2012. – №1. – 65с.
3. Долинина Н. Прочитаем «Онегина» вместе. – Л.: Детская литература, 1971. – 344 с.
4. Лотман Ю.М. Текст в тексте//Статьи по семиотике культуры и искусства. – СПб: Академический проект, 2002. – 58 –78 с.
5. Макогоненко Г. П. Роман Пушкина «Евгений Онегин». — М., 1963. – 304 с.
6. Никонов В. А. Имя и общество. М., 1974. – с. 54.
7. Перфильева Н.В., Рыбаков М.А. Знаки, типы и методы установления общности сознания общающихся личностей. - М. – Калуга, Ин-т языкознания РАН, Изд-во «Эйдос», 2006. – 345 с.
8. Пиванова Э.В. Гармония художественного текста в метапоэтике В.Набокова/Под ред. профессора К.Э. Штайн. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2008. – 216 с.
9. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений в 10 т. – Л.: Наука, 1977-1979. – 276 с.
10. Северцев Г.Т. Петербург в XIX веке. — «Историч. Вестник», 1903.– 621 с.
11. Якобсон Р. Лингвистика и поэтика//Структурализм: «за» и «против». – М., 1975. – 193–230 с.